

ЮРИЙ ШИБЛЕВ

КОНТУР

КНИГА ВТОРАЯ

ПЕТЛЯ

18+

ОДИН ДЕНЬ. ОДИН ВЫБОР. ОДИН ШАНС РАЗОРВАТЬ КРУГ.

Юрий Шиблев

К. О. Н. Т. У. Р.

Книга вторая: Петля

«Автор»

2026

Шиблев Ю.

К. О. Н. Т. У. Р. Книга вторая: Петля / Ю. Шиблев — «Автор»,
2026

Чернобыль. Зона отчуждения. Место, где всё началось. Миша верит, что найдёт здесь ответы. Но вместо ответов он находит город, которого нет на картах. И того, кто ждал его с самого начала. Вторая книга серии «К.О.Н.Т.У.Р.» продолжает историю о заражении, которое оказалось не тем, чем казалось. О войне двух реальностей. И о человеке, который стал мостом между ними.

© Шиблев Ю., 2026

© Автор, 2026

Юрий Шиблев

К. О. Н. Т. У. Р. Книга вторая: Петля

Глава 1.

«Нива» выехала из Бархана-10 на рассвете.

Бледный осенний свет только начинал сочиться сквозь тучи. Город ещё спал — пятиэтажки стояли тёмными громадами, пустые окна смотрели на дорогу слепо и равнодушно. Миша вёл машину молча. Его правая рука была на руле, левая на рычаге передач. В зеркале заднего вида уменьшалась Гигахрущевка — чёрная громада на краю города. Уходила назад медленно, нехотя. Словно не хотела отпускать. Знала, что он вернётся. Возможно это было наваждением, но сейчас это не беспокоило его.

Анна сидела на пассажирском сиденье. В дорожном костюме — тёмно-синяя куртка, свободные брюки, ботинки на шнуровке. Она выглядела так, как будто собралась в долгий поход. Или в экспедицию. Или в новую жизнь. Её волосы были собраны в хвост — не тугой, а свободный, почти небрежный, и несколько светлых прядей выбились и падали на плечи. Она смотрела в окно. На проплывающие мимо пятиэтажки, на голые деревья, на пустые тротуары. Молчала.

Молчание между ними было привычным. Как старое пальто — поношенное, но удобное. Оно не давило и не требовало слов. Просто было. Они не говорили о том, что ждёт впереди. Не говорили о том, что осталось позади. Просто ехали. Двое людей, связанных прибором, который пульсировал в груди одного из них. Тик-так.

Миша прижал ладонь к груди — туда, где под тканью рубашки угадывался старый шрам. АС-2 работал ровно. Он ждал. Анна заметила этот жест — она всегда замечала. Чуть повернула голову и посмотрела на него. Её глаза были голубыми, тёплыми, живыми. Он чувствовал её присутствие кожей — как тепло, как дыхание, как обещание. От неё пахло цветами — тот самый запах, который он запомнил с их первой ночи. Лёгкий и едва уловимый. Но он был здесь, в салоне «Нивы», смешиваясь с запахом бензина и старой обивки.

— Далеко ехать? — спросила она.

— Два дня. Может, больше. Смотря по дороге.

— Я не тороплюсь.

Он усмехнулся.

— Ты вообще никогда не торопишься.

— А куда мне спешить? — Она чуть улыбнулась. — Я уже там, где должна быть.

Он ничего не ответил. Смотрел на дорогу. Серая лента асфальта уходила за горизонт, пересекая поля, перелески, редкие деревни. Впереди был Чернигов. Потом — Киевское водо-

хранилище. Потом — Зона. И где-то там, в самом сердце Зоны, — четвёртый энергоблок. Место, где всё началось и где Проводник обещал ждать.

Что он там найдёт? Старая станция, саркофаг, реактор — существует ли всё это ещё? Встретит ли он Проводника — или только его тень? Он не знал. Знал только направление. Знал цель. И этого было достаточно. Или нет? Он отогнал сомнения, сейчас нет времени на это.

Гигахрущевка в зеркале стала совсем маленькой — чёрная точка на бледном небе. Ещё несколько минут — и она исчезла. Растворилась в дымке. Как будто её и не было.

Он переключил передачу и выжал газ. «Нива» рванулась вперёд, унося его прочь от прошлого. Навстречу будущему. Навстречу правде. Навстречу войне.

Анна смотрела в окно. За стеклом проплывали поля — унылые, пустые, убранные. Осень вступала в свои права. Деревья стояли голые, мокрые. Небо было низким, тяжёлым, как промокшее одеяло. Иногда начинал моросить дождь — мелкий, противный, он барабанил по крыше и стекал по стеклу, размывая очертания мира. Иногда дождь прекращался, и тогда наступало молчание — глубокое, звенящее, как в колодце.

— О чём ты думаешь? — спросила Анна.

— О том, что будет там. В Чернобыле.

— Ты не знаешь, что там будет.

— Ты права, я не знаю. Но могу сказать точно, ничего хорошего.

— А если там нет ничего? Совсем.

Он помолчал.

— Тогда я поеду дальше. Пока не найду.

Она кивнула и отвернулась к окну. Дождь снова забарабанил по крыше. Миша включил дворники. Они мерно раскачивались, сметая воду со стекла. Вжик-вжик. Вжик-вжик.

Мысли возвращались к Проводнику. К его последним словам там, на сотом этаже. «Мы встретимся в Чернобыле. Там, где всё началось». Обещание? Угроза? И то, и другое? Он не знал, чего ждать от этой встречи. Знал только, что она неизбежна. Как пуля, уже выпущенная в полёте, но ещё не нашедшая свою цель.

Анна не выходила из головы. Она была здесь, рядом, в дорожном костюме, с лёгкой улыбкой и тёплыми глазами. Не видение. Не голос в голове. Она сидела на пассажирском сиденье его «Нивы», и он чувствовал тепло её присутствия. Но он знал: это ненадолго. Она исчезнет, когда он меньше всего будет ждать. Без предупреждения. Беззвучно.

Вспомнил отца. Василия Петровича. Его последние слова. «Не дай им использовать тебя». Кто эти «они»? Проводник? Контора? Он не знал. Но собирался узнать. Или умереть в попытках это понять.

К вечеру они добрались до окраины Чернигова. Солнце село за горизонт, окрасив небо в грязно-оранжевый, почти больной цвет. Потом и этот цвет угас, осталась только темнота — глубокая, осенняя, без звёзд.

Миша съехал на обочину у старой автобусной остановки. Ржавый навес, покосившийся столб, мусор, прибитый ветром к бетонному основанию. Ни души. Только ветер гулял по пустому полю да где-то далеко, в лесополосе, кричала птица — низко, гортанно, тревожно.

Он заглушил мотор. Тишина навалилась сразу, она была густая и вязкая, как вода. Слышно было только, как остывает двигатель — тик-тик-тик — и как ветер шуршит сухой травой за открытым окном.

Анна сидела на пассажирском сиденье. Она не спала — ей не нужен был сон. Она просто смотрела в темноту за стеклом, и её лицо было спокойным, но Миша чувствовал тень тревоги

— Ты не устала? — спросил Миша.

— Я не устаю. Ты же знаешь.

— Знаю. Просто спросил.

Он достал из бардачка термос. Чай был ещё горячим — он заварил его ещё утром, перед самым выездом. Сделал глоток. Потом ещё. Чай был горьким, без сахара — как он любил.

— Завтра мы уже будем на месте? — спросила Анна.

— Завтра — граница Зоны. До реактора ещё день. Может, два.

Она кивнула и снова стала смотреть в темноту. Он допил чай, завинтил термос и откинулся на спинку сиденья. Закрыв глаза.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Когда он открыл глаза через мгновение, её уже не было. Только тепло на пассажирском сиденье. Только лёгкий цветочный запах.

Он закрыл глаза снова. Сон пришёл незаметно — глубокий, чёрный.

Проснулся он от тепла.

Не от холода — хотя за ночь салон выстудило, и стекло покрылось изморозью. Тепло шло от плеча. Тяжёлое. Живое. Он открыл глаза и увидел её.

Анна лежала, положив голову ему на плечо. Её глаза были закрыты, дыхание — медленным, ровным. Она спала. Впервые за всё время.

Он замер. Боялся пошевелиться, боялся спугнуть. Её волосы пахли цветами — тот самый запах. Её тело было тёплым. Почти живым и пугающе реальным. Он чувствовал её вес — лёгкий, но ощутимый. Чувствовал, как её грудь поднимается и опускается в такт дыханию. Чувствовал тепло её бедра, прижатого к его ноге.

Она пошевелилась. Открыла глаза — голубые, тёплые, удивлённые.

— Я... — она запнулась. — Я не помню, как это случилось.

— Ты спала.

— Я не сплю. Ты же знаешь.

— Что-то изменилось. Теперь спишь.

Она приподнялась и посмотрела на него. В её глазах было что-то новое. Не страх. Не радость. Скорее — растерянность. Как будто она сама не понимала, что с ней происходит.

— Что-то стало иным. Я чувствую это во мне. В тебе. В нас.

— Я знаю.

— Ты боишься?

— Нет.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Потом чуть улыбнулась и снова положила голову ему на плечо. Он обнял её — осторожно, почти невесомо. Она была здесь. Тёплая. Живая. Хотя бы на миг. И этого было достаточно.

— Доброе утро.

— Доброе.

Он завёл мотор. «Нива» чихнула и загудела ровно, уверенно. Они выехали на трассу и направились к Чернигову.

Город встретил их хмурыми улицами и редкими прохожими. Люди спешили по своим делам, кутаясь в пальто и поднимая воротники. Никто не смотрел на старую «Ниву» с неместными номерами. Никому не было дела до человека, который ехал навстречу судьбе. Или смерти. Или тому, что ждало его в Зоне.

Он не остановился в Чернигове. Проехал насквозь и выехал на трассу, ведущую к Киевскому водохранилищу.

Пейзаж за окном менялся. Всё меньше деревень. Всё больше пустоты. Поля зарастали бурьяном. Дороги становились хуже — асфальт сменялся гравием, гравий — укатанной землёй. Указатели попадались всё реже, и те были старыми, ржавыми, с облупившейся краской. Цивилизация отступала, не желая приближаться к Зоне. Или Зона отталкивала её сама.

Анна стала тише. Меньше говорила, больше смотрела в окно. Миша чувствовал: она тоже ощущает. Что-то изменилось в воздухе. Какая-то тяжесть. Какое-то напряжение. АС-2 в груди пульсировал чаще — не больно, но ощутимо. Как предупреждение. Как напоминание.

Ближе к вечеру они увидели первый знак. Старый, ржавый, покосившийся. «Зона отчуждения. Въезд запрещён». За ним — шлагбаум. Опушен. Рядом — пустая будка охраны. Никого. Окна разбиты, дверь болталась на одной петле. Внутри — только мусор и пыль. И следы когтей большие, глубокие.

Миша вышел из машины. Подошёл к шлагбауму. Тот был старым, но ещё держался. Он поднял его вручную — металл заскрипел, застонал, но поддался. Сел обратно за руль и въехал в Зону.

Теперь они были на другой стороне.

Тишина здесь была другой. Не просто отсутствие звуков — что-то большее. Как будто сам воздух стал плотнее, тяжелее. Птицы не пели. Ветер не шумел. Только звук мотора и шорох шин по гравию. Миша сбавил скорость. Смотрел по сторонам — внимательно, цепко. Где-то внутри поселилось беспокойство и чувство неизвестной опасности.

Первое живое существо они увидели через полчаса.

Собака стояла на обочине. Крупная. Чёрная. Неподвижная. Она смотрела на машину, и в её глазах не было ничего — ни страха, ни любопытства, ни злобы. Только пустота. Шерсть выпала клочьями, под ней угадывалась тёмная, маслянистая плоть. Рёбра проступали сквозь кожу, но собака не выглядела голодной. Она выглядела мёртвой. И одновременно — живой.

Миша притормозил. Собака не двигалась. Просто смотрела. Он медленно проехал мимо. В зеркале заднего вида она ещё долго стояла на обочине — чёрный силуэт на фоне бледного неба.

И вдруг — вспышка. Короткая, как удар тока. В голове всплыли строки. Чёткие, сухие, как из отчёта.

«Симулякр. Объект класса С. Животное, захваченное энергией разлома. В отличие от мимика (класс А, класс Б), симулякр не сохраняет человеческую форму. Энергия разлома не вытесняет сознание — она переписывает его. Паттерны поведения не установлены. Объект теряет инстинкты и приобретает новые свойства: повышенная скорость, живучесть, отсутствие болевого порога. Нейтрализация: прямое попадание в голову. Капсулы И-З эффективны. Обычное оружие — нет».

Он не знал, откуда это. Никогда не читал таких отчётов. Никогда не слышал этих терминов. Но они были здесь — готовые, точные, чужие. Как будто кто-то вложил их ему в голову. Как будто кто-то знал это и теперь делился с ним.

Он перевёл взгляд на Анну. Она смотрела прямо перед собой. Лицо спокойное, но в глазах — что-то новое. Не страх. Не тревога. Узнавание.

— Это ты? — спросил он.

— Не знаю. Просто... оно здесь. Это слово. Эти знания. Как будто я всегда их знала. Но я не знала. Никогда. Откуда?

Он молчал. Ответа не было. АС-2 успокаивался и его ритм стал обычным. Только ветер за окном. Только вопросы, на которые пока не было ответов. А может, и не будет.

«Нива» катила по разбитой дороге. Солнце клонилось к закату. Ветер гнал по полю сухую траву. И где-то далеко, на горизонте, в сгущающихся сумерках, темнели очертания четвёртого энергоблока. Чёрный бетонный куб. Мёртвое сердце Зоны. Место, где всё началось.

Миша выжал газ. До цели оставался один день пути.

Глава 2.

Дорога кончилась внезапно.

Сначала был гравий — серая лента, петляющая между заброшенными полями и голыми перелесками. Потом укатанная земля с редкими островками жухлой травы. А потом и она исчезла, растворилась в высокой, по пояс, бурой растительности, которая шуршала по днищу «Нивы», как сухая бумага.

Миша остановил машину. Вышел. Воздух был густым и неподвижным. Ни ветра, ни птиц — только тишина, глубокая, ватная, как в склепе. Он огляделся. Впереди, метрах в двухстах, темнела стена леса — старая лесополоса, посаженная ещё до аварии. Деревья стояли слишком ровно, как солдаты в строю, и между ними чернел просвет. Дорога уходила туда, в этот просвет, и исчезала.

—
Там что-то есть, — сказала Анна.

Она стояла рядом. Миша не слышал, как она вышла из машины. Её голос был тихим, но в нём звенела тревога.

—
Я чувствую. АС-2 молчит, но... это другое. Не заражение. Что-то ещё.

Миша прижал ладонь к груди. Прибор работал ровно. Никакой пульсации, никакой боли. Только привычный ритм.

—
Поехали, — сказал он.

Он сел за руль. Анна — рядом. «Нива» тронулась и медленно, почти на ощупь, въехала в просвет между деревьями.

Переход был мгновенным.

Только что над ними висело серое осеннее небо, тяжёлое и низкое. Только что воздух был холодным и влажным, пах прелой листвой и сырой землёй. И вдруг солнце, оно было яркое и палящее.

Миша зажмурился. Остановил машину. Открыл глаза.

Небо было синим — глубоким, почти тропическим, без единого облака. Воздух дрожал над капотом, как над раскалённым асфальтом. Пахло сухой травой, пылью и чем-то сладковатым — не то цветами, не то гниющими фруктами. Термометр на приборной панели показывал тридцать градусов.

—

Что за чертовщина? — пробормотал он.

Двигатель чихнул и заглох.

Миша повернул ключ. Стартер зажужжал, но мотор не схватывал. Он попробовал ещё раз — то же самое.

—

Только не это, — выдохнул он.

—

Что с ним? — спросила Анна.

—

Не знаю. Перегрелся, может. Или карбюратор. Я сейчас посмотрю, посотраюсь.

Он вышел из машины, поднял капот. Двигатель дышал жаром. Всё выглядело целым, но он не был механиком. К сожаленью он знал только базовые вещи — поменять колесо, проверить масло. Здесь нужен был кто-то другой. В Конторе были свои штатные механики и автомобили всегда находились в идеальном состоянии.

Он снял пальто и бросил его на заднее сиденье. Анна вышла из машины. Миша обошёл «Ниву» спереди и замер.

Анна сняла куртку. Под ней оказалась чёрная облегающая майка — простая, без рисунка, без намёка на кокетство. Но ткань обтягивала грудь, подчёркивая каждый изгиб, и Миша увидел, как под тонким хлопком проступили соски — нежные, твёрдые, реагирующие на жару или на что-то ещё. Она стояла, прикрыв глаза, подставив лицо солнцу, и не замечала его взгляда. Или делала вид, что не замечает. Её кожа, чуть влажная от мгновенно выступившего пота, блестела в солнечном свете. Ключицы. Изгиб шеи. Тёмная ложбинка между грудями, уходящая под ткань.

Миша почувствовал, как внутри что-то сжалось. Не АС-2. Другое. Давно забытое. Он смотрел на неё и думал о том, что она сейчас она реальная. Живая, чертовски соблазнительная и что он хочет её. Сейчас. Здесь. В этом странном, застывшем лете.

Анна открыла глаза и повернулась к нему. Уголки её губ дрогнули в лёгкой улыбке.

—
Я всё слышу, — сказала она.

—
Что?

—
Твои мысли. Они стали громче. Особенно... вот эти.

Она чуть опустила подбородок, глядя на него исподлобья. В её глазах плясали искры — не гнев, не смущение. Скорее — любопытство. И что-то ещё, чему Миша не мог подобрать названия.

—
Я ничего не говорил, — сказал он.

—
Тебе и не нужно. Я же здесь. — Она коснулась пальцами его груди, туда, где под рубашкой угадывался шрам. — Ты чувствуешь жар? Я тоже. Я ощущаю всё, что ощущаешь ты. Солнце. Ветер. Тебя.

Её пальцы скользнули ниже, к животу, и замерли. Она стояла так близко, что он чувствовал тепло её тела. Настоящее. Живое и безумно манящее.

—
Я скучала по тебе, по твоему телу — тихо сказала она.

—
Я тоже, я еле сдерживаю себя.

Она улыбнулась и убрала руку. Отступила на шаг. Потом легко, одним плавным движением, села на капот «Нивы». Металл скрипнул под её весом — звук был плотным, реальным. Не видение. Не сон. Она откинулась на руки, глядя на него сверху вниз. Свет золотил её плечи, путался в волосах, играл бликами на влажной коже.

Медленно, не сводя с него глаз, она сняла один ботинок. Уронила его на землю. Потом второй. Босые ступни коснулись раскалённого металла. Узкие. С тонкими пальцами. С высоким подъёмом — тем самым, что сводил его с ума ещё там, в кабинете, когда она впервые сняла туфли под столом. Она знала, что он смотрит. Всегда знала. Но никогда не говорила об этом вслух.

Миша шагнул к ней. Она вытянула ногу и упёрлась босой стопой ему в грудь, останавливая. Пальцы коснулись ткани рубашки — лёгкие, почти невесомые, но в этом жесте было что-то властное. И доверчивое одновременно. Он мог бы отвести её ногу. Мог бы притянуть её к себе. Но он замер.

Никто из них не планировал этого. Всё случилось само — как удар молнии, как короткое замыкание. Она не собиралась останавливать его. Он не собирался наклоняться. Но через

секунду его губы уже касались её пальцев — одного за другим. Кожа была горячей от солнца, с лёгким солоноватым привкусом. Она зажмурилась, прикусив губу. Ногти впились в край капота.

Он целовал её стопы, щиколотки, подъём — медленно, нежно. Его язык касался свода стопы, и она вздрагивала, ощущая это прикосновение где-то глубоко внутри. Всё происходило будто в тумане — они не говорили, не спрашивали разрешения, не думали о последствиях. Просто делали то, чего оба хотели уже давно. Слишком давно.

Её дыхание участилось. Он ощущал, как внутри неё — или внутри него? — нарастает волна. Тёплая. Жаркая. Живая. Она потянула его за плечи, притягивая к себе — резко, почти отчаянно. Он подался вперёд, и их губы встретились. Поцелуй был глубоким, жадным, настоящим. Её язык коснулся его языка — влажный, горячий, требовательный. Её руки обхватили его шею. Он прижал её к себе, чувствуя, как бьётся её сердце — или его? — часто, сильно, в унисон.

Потом, когда они на мгновение оторвались друг от друга, тяжело дыша, она посмотрела на него. В её глазах не было ни страха, ни смущения. Только удивление — как будто она сама не ожидала, что это случится. И что-то ещё. Осознание. «Мы оба этого хотели», — сказал её взгляд. И он ответил ей тем же. Без слов.

Его ладони скользнули под её майку. Кожа была влажной, горячей — бархатистой на ощупь, с лёгкой липкостью от пота. Он стянул майку вверх, она подняла руки, помогая. Ткань упала на капот. Она осталась обнажённой до пояса — тонкая, светлая, с острыми сосками, затвердевшими от прикосновений и неистового желания. Солнце ласкало её нежные плечи, шею, её аккуратную и сочную грудь. Он наклонился и коснулся губами её ключицы — кожа здесь была тонкой, почти прозрачной, и он чувствовал, как бьётся её пульс. Она застонала — тихо, глубоко, по-настоящему. Его губы скользнули ниже — к груди, к соскам. Он взял один в рот и провёл языком — медленно, по кругу. Она выгнулась навстречу, запустив пальцы в его волосы. Её дыхание стало рваным, как после бега.

—
Ты здесь, по-настоящему — прошептал он.

—
Я всегда буду с тобой, прошу не останавливаясь.

Он снова поцеловал её. Его пальцы легли на пояс её брюк. Она не остановила его. Она смотрела ему в глаза — и в её взгляде было желание. Настоящее. Живое. Их общее.

Он начал медленно расстёгивать пуговицу.

И тогда АС-2 сжался.

Сначала — легонько, как предупреждение. Потом сильнее. Потом — острая вспышка боли, пронзившая грудь насквозь, как удар тока, сжигающий все внутри, таких ощущений он еще не испытывал. Миша охнул и медленно отшатнулся. Анна вскрикнула.

—

Миша! Миша, что с тобой!

Он прижал ладонь к шраму. Прибор пульсировал часто, неровно, как сердце в приступе. Боль расходилась от груди к плечам, к позвоночнику, к кончикам пальцев. Перед глазами всё плыло. Воздух стал густым, вязким, и каждый вдох давался с трудом.

Анна исчезла.

Не растворилась, как обычно. Исчезла — резко, рывком, как гаснет лампочка. Потом появилась снова — на секунду, на долю секунды. Её образ дрожал, как помехи на экране. Она протянула к нему руку, но рука прошла сквозь него. Он не чувствовал её. Только холод — глубокий, древний, чужой.

—

Мы не можем, — прошептала она. Её голос прерывался, как радиосигнал, пробивающийся сквозь помехи. — Не сейчас. Слишком сильно. Ты чувствуешь? Я почти ушла. Совсем. Ещё секунда — и меня бы не стало.

Он закрыл глаза и начал дышать. Вдох. Задержка. Выдох. АС-2 постепенно успокаивался. Боль отступала, сменяясь тупой, ноющей пустотой в груди. Когда он открыл глаза, Анна снова была здесь — сидела на капоте, бледная, дрожащая. Майка снова была на ней. Куртка лежала рядом.

—

Прости меня, — сказал он.

—

Не за что извиняться глупенький. — Она коснулась его щеки. Пальцы были холодными, почти ледяными. — Мы оба этого хотели. Но пока не можем. Может быть, позже. Может быть, никогда. Я не знаю.

—

Я не хочу думать, что больше не коснусь тебя. По-настоящему.

Она спрыгнула с капота, надела ботинки, куртку. Он стоял рядом, всё ещё ощущая боль в груди — уже не острую, а тупую, ноющую. Как напоминание. Как последнее предупреждение.

Двигатель «Нивы» молчал. Солнце висело в зените. Впереди, метрах в трёхстах, виднелись дома — деревянные, с палисадниками, с шиферными крышами. Типичная деревня, коих в Союзе было полно. Миша увидел дорожный знак. Старый, ржавый, покосившийся. «Копачи» — было написано на нём выцветшими белыми буквами. И поперёк надписи, грубо, размашисто, шла красная полоса. Краска была старой, потрескавшейся, но всё ещё яркой. Как будто кто-то хотел стереть это место с лица земли. Как будто кто-то хотел, чтобы о нём забыли.

Миша захлопнул капот.

—

Пойдём пешком, — сказал он. — Может, дальше найдётся механик.

—
Надеюсь, — ответила Анна. — Но я чувствую. Здесь кто-то есть.

Они пошли по дороге к деревне. Гравий хрустел под ногами. Солнце пекло голову. За обочиной, в высокой траве, стрекотали кузнечики. Обычная деревня. Обычное лето. Миша невольно вспомнил свое детство у бабушки. Запах свежеспеченных пирожков, чай со свежесобранной клубникой, покой и безмятежность...

Миша слегка потряс головой, отгоняя воспоминания. Он не знал, были ли они настоящими или же это умело прописанная Конторой его новая жизнь.

На окраине их встретил старик. Он сидел на лавочке у покосившегося забора и курил, пуская дым в горячий воздух.

—
Здорово, — сказал он, глядя на Мишу. — Приезжий? Давно у нас приезжих не было. Вы в гости к кому, али как?

—
Здравствуйте, — ответил Миша. — Машина сломалась. Мне бы механика толкового.

—
Механик... — протянул старик задумчиво — Механик есть. Лёшка тракторист. Дом с синими ставнями, на том конце. Он всё чинит, что ездит. И что не ездит — тоже. Скажешь, дед Матвей прислал.

—
Спасибо вам.

—
Не за что. Только Лёшка сейчас, поди, на поле работает. Ты заходи, подожди его он скоро появится.

Миша кивнул и пошёл по улице. Деревня была обычной — такой же, как десятки других. Деревянные дома с палисадниками. Георгины и бархатцы. Яблони с мелкими зелёными плодами. Женщина неторопливо развешивала бельё во дворе. Мужчина не спеша чинил забор. Дети играли в мяч у колодца, и никто не обращал на него внимания. Деревенский быт, размеренный, простой, во всей его полной красе.

Дом с синими ставнями он нашёл быстро — на окраине, у самой лесополосы. Рядом стоял старый гараж с распахнутыми воротами, внутри виднелся подъёмник и груда запчастей. Никого.

—
Подождём здесь, — сказал Миша.

Анна кивнула. Она подошла и обняла Мишу, и он чувствовал тепло её присутствия. Не так сильно, как раньше, но кажется их связь потихоньку восстанавливалась.

— Знаешь, лет до пятнадцати я каждое лето проводил в такой же деревне у бабушки — неожиданно даже для себя начал Миша.

— Это было самое лучшее время в моей жизни. Мама растила меня одного, она много работала и приходила домой поздно. Я учился справляться со всем сам. Готовил, стирал, убирался после школы до ее прихода. Никогда не обижался на нее, я понимал, я хотел хоть чем-то помочь. Каждое лето она отправляла меня к бабушке, я думал, что тем самым она отдыхает от меня. Но это была ее благодарность, чтобы хоть на три месяца я был беззаботным ребенком, а не взрослым мужчиной.

Анна смотрела на него боясь прервать даже малейшим движением или словом. Он никогда не был с ней так откровенен.

— Отец... — Миша невольно сглотнул ком, подступивший к горлу. — Отца я никогда не знал, мама рассказывала, что он трудится на секретном объекте в закрытом городе и не может к нам приезжать. Два раза в год, вплоть до своего восемнадцатилетия, я получал от него открытки с поздравлением на день рождения и Новый Год.

Миша сжал сильнее Анну, она почувствовала его сердцебиение, как его руки обнимают ее. Это было похоже на ощущения ранее, но здесь Анна чувствовала себя живой и настоящей, не от страсти, а от боли, его боли и она нужна была ему. Прямо здесь, в этот момент.

— Аня, что из этого правда? Я не могу понять, что я чувствую вспоминая об этом. Василий Петрович был рядом со мной, но он молчал. У меня был брат, но я не знаю, виделись мы или нет, может бегали вместе по деревне. Рыбачили вместе играли... черт...

Миша почувствовал резкую боль в голове. Что-то не давало ему углубляться в глубины своей памяти.

Анна нежно взяла его одной рукой за голову, другую положила ему на грудь, где АС-2 начал работать в усиленном режиме.

Тепло начало разливаться от ее рук и боль постепенно отступила. Миша тяжело выдохнул. Его глаза встретились с глазами Анны. В них было беспокойство, но там плескалось море любви и нежности.

— Миш, ты все вспомнишь, я обязательно помогу тебе. Наша связь становится сильнее, мы вместе разберемся в этом и тогда поймем, что было реально, а что нет. Я верну тебя настоящего.

— А если я не понравлюсь тебе настоящим? — с легкой грустью спросил Миша.

Анна улыбнулась и молча поцеловала его в губы. После она слегка отстранилась и взяла нежно его за руки.

— Ты говоришь глупости, милый мой — она с любовью смотрела в его глаза — Я внутри тебя, я чувствую эту пустоту в душе, но там так много света и он согревает меня и всех остальных вокруг. Столько лей возлагают на тебя надежды, они жертвуют и жертвовали собой защищая тебя. Ради плохих людей так не поступают. Пойдем присядем на лавочку, я чувствую, как ты устал.

Действительно, Миша чувствовал резкую слабость, будто что-то выпило его без остатка, но списал это на жару.

Они медленно прошли до лавки, расположенной возле гаража и молча сидели так, наслаждаясь тишиной. Время как будто застыло на месте для них в этот момент.

Лёшка появился ближе к вечеру — молодой парень в замасленной кепке, с вечно прищуренным левым глазом. С помощью трактора он пригнал «Ниву» на тросе. Он долго копался в двигателе, цокал языком, качал головой.

—

Деталь одна полетела, у меня такой нет. Завтра к Петровичу схожу в соседнюю деревню, может, у него завалялась. А пока — ночуйте. Вон, у меня сарай есть, там сено. Летом там тепло, не замёрзнете.

—
Спасибо, — сказал Миша.

Лёшка кивнул и ушёл, не задавая лишних вопросов.

Сарай был просторным и сухим. Пахло сеном, деревом и чем-то ещё — сладковатым, как сушёные травы. Миша расстелил пальто на сене. Анна легла рядом. Он обнял её — осторожно, боясь повторения дневного приступа. Она прижалась к нему.

—
Я чувствую тебя, — прошептала она. — По-настоящему, твое тепло, твои объятия.

—
Я тоже.

—
Мы можем быть близко. Но не слишком. Как на грани.

—
Понимаю, Ань — сказал он.

Она тихо засмеялась — грустно, но искренне.

—
На грани сна и яви.

Они лежали молча. За стеной сарая стрекотали сверчки. Где-то далеко лаяла собака. Солнце наконец начало клониться к горизонту — впервые за всё время. Миша смотрел в окно на закатное небо и думал о том, что завтра он пойдёт в сельсовет. Завтра он узнает, кто здесь живёт и почему деревня, которой нет на картах, всё ещё существует. Но сейчас — только она. Только тишина. Только её тепло.

—
Миша, — сказала Анна.

—
Да?

—
Я люблю тебя.

Он замер. Эти слова прозвучали так просто, так естественно, будто она говорила их каждый день. Будто они всегда были между ними — просто ждали момента, чтобы стать сказанными.

—
Ты слышишь? — спросила она. — Я люблю тебя. Кажется, я влюбилась тебя с первого взгляда еще тогда Глупо наверное звучит.

—
Нет, это не глупо Ань, — ответил он.

—
Я давно хотела сказать это вслух. Хотя бы раз. Потому что кто знает, что будет дальше. Потому что, если завтра всё закончится... я хочу, чтобы ты помнил. Чтобы ты знал.

Он повернулся к ней. Её глаза блестели в темноте — голубые, живые, настоящие.

—
Я тоже люблю тебя, — сказал он. — Всегда любил. С той минуты, как ты улыбнулась мне в первый раз. С той минуты, как ты сказала: «Можно просто Миша». С той минуты, как ты впервые коснулась моей руки — и я почувствовал, что моя жизнь уже не будет прежне. Я люблю тебя, Анна.

Она улыбнулась. Не грустно. Не горько. Просто улыбнулась — как улыбаются тому, кого давно знают и принимают целиком.

—
Мы бы могли быть счастливы, — сказала она тихо. — Где-нибудь. В другой жизни. Дом. Маленький, у реки. Или у моря. Я бы варила тебе кофе по утрам, а ты бы курил на крыльце. И у нас была бы дочка с моими глазами и волосами. Но с твоим характером. Такая же смелая и нестигаемая. Она бы бегала босиком по траве, как я когда-то.

—
Ты думаешь об этом?

—
Иногда. Особенно сейчас. Когда ты рядом. Когда я чувствую тебя. Я думаю: а что, если бы всё было иначе? Если бы не было заражения. Не было Конторы. Не было всего этого. Мы бы просто жили.

—
Просто жили, — повторил он.

—
Ты хотел бы этого?

—
Да. Больше всего на свете.

Она прижалась к нему крепче. Он чувствовал тепло её тела — уже не такое сильное, как днём, но всё ещё настоящее.

—
Может быть, однажды, — прошептала она. — Может быть, где-то. Не здесь. Но где-то — мы. С дочкой. С коляской. С солнцем. Без страха.

—
Может быть, — сказал он.

Он закрыл глаза. Перед ним встала картинка — не воспоминание, не сон, а что-то другое. Улица. Незнакомая. Чужая. Солнце светит мягко, по-весеннему. Идёт Анна — в лёгком платье, с улыбкой. Рядом — он сам. Другой. Без шрама. Без АС-2. Просто человек. И перед ними — детская коляска. Они идут медленно, держась за руки. Им некуда спешить. У них есть всё время мира.

Видение растаяло так же внезапно, как появилось. Миша открыл глаза. Анна смотрела на него.

—
Ты видел? — спросила она.

—
Да.

—
Я тоже. Это было... как будто настоящее. Как будто где-то там мы есть. Другие. Счастливые.

—
Может быть, это знак.

—
Может быть. А может — просто мечта. Но даже мечта — это уже что-то.

Они замолчали. За окном сарая сгустились сумерки. Солнце ушло за горизонт, и небо стало тёмно-синим, почти чёрным. Где-то в деревне зажглись огни — жёлтые, тёплые, живые.

—
Спи, — сказала Анна. — Завтра будет долгий день.

—
Ты останешься?

—
Да, я чувствую что теперь все по другому.

Он закрыл глаза. Она положила голову ему на плечо. АС-2 пульсировал ровно. Прибор работал. Прибор ждал. Женщина в его руках — почти живая, почти его — дышала тихо и спокойно. И этого было достаточно.

Глава 3.

Утро встретило их тишиной. Не той, что была в Зоне — мёртвой, ватной, — а другой. Живой. Деревенской. Где-то за стеной сарая кукарекал петух. Где-то скрипела колодезная цепь. Где-то женский голос напевал песню — тихую, протяжную, без слов.

Миша открыл глаза. Анна лежала рядом — всё в том же дорожном костюме. Она не спала. Смотрела на него.

—

Доброе утро, — сказала она.

—

Доброе.

Он сел, потянулся. Мышцы ныли. Сено — не перина. Но эта боль была... правильной. Он выглянул в окно. Солнце стояло высоко. Не в зените, но близко. Часов десять? Одиннадцать? Чёрт его знает. Здесь время текло иначе.

—

Ты как? — спросил он.

—

Лучше всех — Она улыбнулась. — Мне кажется я даже видела сон. Но не помню его к сожалению.

—

Это была лучшая ночь, — смущенно сказал Миша. — За долгое время, я чувствовал спокойствие.

Она смотрела на него с любовью. Он поцеловал ее губы, встал и отряхнул пальто от сена. Анна поднялась следом — молча, как тень. Яркое утро ударило им в глаза.

Деревня уже проснулась. Женщина с коромыслом. Мужик у колодца. Дети у забора. Всё как вчера. Петух орёт в том же ритме. И ветер дует так же. Или ему казалось?

Он ничего не сказали медленно прошёл к гаражу.

У ворот уже возился Лёшка. Увидев Мишу, он выпрямился и нахмурился.

—

Ты кто? — спросил он грозно и одновременно удивленно. — Чего в сарае делал?

—

Я проездом. Машина сломалась вчера. Ты её смотрел. Сказал, что деталь нужна.

—

Какая деталь? — Лёшка почесал затылок. — Не помню. Блин, кажется я много вчера принял на грудь. Но раз машина стоит — значит, моя работа. Давай гляну.

Он открыл капот «Нивы» и углубился в двигатель. Миша постоял ещё минуту, потом пошёл дальше по улице. Анна — рядом.

—

Он не помнит, — сказала она.

—

Деревенские, — пожал плечами Миша. — Пьёт много. Может, память дырявая. А может...

Он не закончил. Анна ждала, но он молчал.

—

И женщина с коромыслом. И мужик у колодца. Посмотри на них, они делают тоже самое что и вчера.

—

Анна, это деревня. Здесь каждый день одно и то же. Быт такой у них, — засмеялся Миша — Они могли просто не заметить нас вчера.

Она замолчала. Но он чувствовал: она не верит. Он и сам сомневался. Просто не хотел спешить с выводами.

Они подошли к дому старика. Тот сидел на той же лавочке у покосившегося забора и курил.

—

Здорово, — сказал он, глядя на Мишу. — Приезжий? Давно у нас приезжих не было.

—

Здравствуйте. Я ищу сельсовет. Мне нужно спросить дорогу.

—

Сельсовет на площади. Двухэтажное здание, не промахнёшься. Только там сейчас никого. Обед у них. После двух приходи лучше.

Миша кивнул и пошёл дальше. Анна молчала. Он чувствовал ее тревогу. Он сам был полон вопросов без ответа.

Сельсовет стоял на небольшой площади. Двухэтажное здание из серого кирпича. Облупившаяся штукатурка. Выцветший транспарант над входом. Буквы на нём почти не читались, но одно слово ещё можно было разобрать: «...единство...». Над крыльцом висела табличка: «Сельский совет. Часы работы: с 9:00 до 18:00».

Миша толкнул створку и вошёл.

Внутри было прохладно и тихо. Пахло пылью, старыми бумагами и сушёными травами. Длинный коридор уходил вглубь здания. По обе стороны — двери с табличками. «Председатель». «Бухгалтерия». «Приёмная». И неожиданно — кривая, будто от руки, краской: «Врач».

Миша подошёл ближе. Створка была приоткрыта. Из щели доносился голос — женский, молодой, усталый. Она говорила по телефону.

—

Да, Иван Петрович, я всё понимаю. Нет, топливо не подвезли. Когда будет — не знаю. Да, я записала. Да, передам. До свидания.

Она положила трубку на рычаг и устало потёрла переносицу. Потом подняла голову и увидела Мишу.

На вид ей было около двадцати трёх. Волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбились светлые пряди. Белый халат поверх ситцевой блузки. Стоптаные туфли без каблука стояли под столом. На столе, среди бумаг, лежал фонендоскоп и какая-то папка с надписью «Замеры».

—

Вы кто? — удивленно спросила она. — Как вы сюда попали?

—

Я проездом. — Он помедлил. — Машина сломалась. Механик сказал, что починит через час. Искал, у кого спросить дорогу.

—

Дорогу? — Она нахмурилась. — Отсюда нет дорог. Кроме той, что ведёт в Зону. Но туда нельзя. Это закрытая территория.

—

Я знаю. — Миша достал из внутреннего кармана удостоверение — красные корочки КГБ. — У меня есть допуск.

Олеся взяла удостоверение. Открыла. Пробежала глазами по строчкам. И вдруг замерла. Её пальцы чуть дрогнули.

—

Что-то не так? — спросил Миша.

—

Нет. Всё в порядке. — Она вернула удостоверение. Но в глазах появилось что-то новое. Не страх. Скорее — пристальное внимание. Как будто она увидела деталь, которую не ожидала увидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.